

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2019»

Москва, 29 мая — 1 июня 2019 г.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ В РУССКИХ ОБЪЕКТНЫХ ИМЕННЫХ ГРУППАХ

Тискин Д. Б. (daniel.tiskin@gmail.com)

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

Исследование конкуренции русских лично- и возвратно-притяжательных местоимений в связанном употреблении (как в *Я₁ встретился с моими₁ / со своими₁ друзьями*) ведётся достаточно давно, однако не все аспекты этого явления были изучены квантитативными методами и получили описание в рамках той или иной теории синтаксиса и семантики. В работе исследуется поведение местоименных посессоров в прямообъектных именных группах, связанных местоимением 1 или 2 лица в позиции подлежащего. Акцент делается на связи выбора местоимения с возможностью или необходимостью коллективной интерпретации глагольной группы и отношения принадлежности.

Пользуясь данными Национального корпуса русского языка и корпуса *Aganeum Russicum Maximum*, мы показываем, что выбор стратегии выражения посессора связан с числом субъекта (как в целом по корпусу, так и для отдельных глаголов). Проведённое анкетирование позволяет установить, что предпочтение лично-притяжательного местоимения связано с коллективным прочтением, причём в отсутствие такого прочтения при ед. ч. объекта любое выражение посессора затруднено (если лексема — вершина ИГ не является *singulare tantum*). Предлагается интерпретация полученных данных, основанная на том, что притяжательное местоимение имеет интерпретируемый признак числа посессора (например, *наш* обозначает коллективную принадлежность множеству посессоров), а ИГ-дополнение без посессора может реанализироваться как часть предиката.

Ключевые слова: русский язык, притяжательные местоимения, возвратность, дистрибутивность, ϕ -признаки, группа детерминатора

POSSESSIVE PRONOUNS IN RUSSIAN OBJECT NOUN PHRASES

Tiskin D. B. (daniel.tiskin@gmail.com)

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

By now, the choice between pronominal and reflexive bound possessives in Russian has been subject to prolonged investigation, but some aspects of the phenomenon have not been scrutinised by quantitative methods or given an interpretation in terms of a formal model of syntax and semantics. The present paper deals with pronominal possessives situated in direct object noun phrases and bound by a 1st- or 2nd-person pronominal subject (including zero subjects in imperatives). We focus on the factors that have to do with the availability of the collective interpretation of the verb phrase and of the possession relation itself.

Using data from the Russian National Corpus and from the Araneum Russicum Maximum web corpus, we demonstrate a significant effect of the subject number on the choice of the possessive pronoun. To investigate the effects of collectivity, we designed a questionnaire, which showed that with plural the preference for pronominal possessives over the reflexive possessive increases as the collective interpretation becomes more salient. Moreover, both types of possessives are degraded to a certain extent within singular (but not *singulare tantum*) object NPs when the collective reading is unavailable. We suggest that the observed distribution can be explained if we assume that (a) the cardinality of the possessor is an interpretable feature of Russian possessives and is therefore able to cause interpretational conflicts, and (b) the possessive layer of the nominal domain precludes an object to be re-analysed as part of the predicate, which is required for a distributive interpretation.

Key words: Russian, possessive pronouns, reflexivity, distributivity, φ -features, DP

1. Введение

Наряду с полнозначными именными группами, личные местоимения 1–2 лица относятся к референциальным выражениям и, в соответствии с принципом С теории связывания Н. Хомского [3], не должны иметь связанных употреблений. Тем не менее, известно несколько типов исключений из этого обобщения: наряду с неприемлемыми (1) существуют (2), где приемлемость коиндексирования соотносят не собственно со связыванием, а с различием «перспективы» или способов данности одного и того же объекта [21], и (3), два значения которого интерпретируются как включающие, соответственно, свободное и связанное употребление местоимения *I* (см. обсуждение в [19]).

- (1) а. *Я₁ увидела меня₁.
б. *Mary₁ saw you₁.

(2) *I dreamt that I was Brigitte Bardot and I₁ kissed me₁.* [9]

(3) *Only I got a question that I understood.* [7]

а. “Только я, x_0 , обладаю свойством ‘ $\lambda x.x$ ’у задали вопрос, который x_0 понял”

б. “Только я, x_0 , обладаю свойством ‘ $\lambda x.x$ ’у задали вопрос, который x понял”

Предметом рассмотрения в данной работе являются русские **притяжательные** местоимения, среди которых выделяются лично-притяжательные (*мой, ваш, его* и т. д.) и возвратно-притяжательное *свой*. В соответствии с этим делением ожидается, что лично-притяжательные будут в общих чертах повторять дистрибуцию личных и функционировать как прономинальные и референциальные выражения, тогда как возвратно-притяжательное будет проявлять свойства анафора, чьё употребление регулируется принципом А. Однако и в этом случае известны отклонения от названной идеализации. Так, Е. В. Падучева [15: 181] отмечает вариативность в примерах типа (4), хотя и усматривает в них тонкие «различия — смысловые или какие-то ещё»:

(4) *Я не хотел становиться обузой для моих (своих) родителей.*

Часть ответа на вопрос о природе этих различий состоит, по-видимому, в том, что при употреблении *свой* в (4) говорящий (x_0) высказывается о нежелании иметь свойство ‘ $\lambda x.x$ является обузой для родителей x ’, а в случае *мой* — свойство ‘ $\lambda x.x$ является обузой для родителей x_0 ’¹. Хотя в данном случае эти интерпретации денотативно эквивалентны, это не всегда так; в частности, в английском языке, где возвратно-притяжательного местоимения нет и лично-притяжательные местоимения всех лиц имеют связанные употребления, (5) проявляет тот же тип неоднозначности, что (3).

(5) *Only you did your homework.*

Другие возможные семантические различия между лично- и возвратно-притяжательными местоимениями, в отличие от различных значений *свой* [14] и особенностей дистрибуции притяжательных местоимений [13], [17], [5], на данный момент изучены недостаточно, хотя в книге Е. В. Падучевой [15] содержится ряд важных наблюдений. Во-первых, отмечается различие между притяжательными местоимениями 1–2 лица и 3 лица: первые могут, будучи частью объектной ИГ, иметь антецедентом подлежащее (6a), тогда как последние последовательно подчиняются принципу В и не допускают связывания в пределах клаузы (6b) (причём случаи конкуренции с возвратно-притяжательными подлежат описанию в терминах различного синтаксического размера непрозрачной области, в которой тот или иной тип местоимений должен быть связан или свободен).

¹ Возможно, этим следует объяснять и наблюдения относительно способности *свой* обозначать объект, варьирующий от ситуации к ситуации, как в *Ведь до этого я всегда дружелюбно работал со своим партнёром* [20]

- (6) а. *И тут я увидел моих однокурсников — Зайченко с Лебедевым.*
[Сергей Довлатов. Виноград (1990)]
б. **Вася (он) увидел его однокурсников.*

Во-вторых, утверждается, что как минимум в некоторых случаях конкуренции двух типов притяжательных местоимений выбор осуществляется в зависимости от того, раздельно или совместно² индивиды в составе множества-посессора обладают посессумом³. А. Б. Андреевский [1], а позднее А. Тимберлейк [20] и Е. В. Падучева соотносят *свой* с индивидуальным, а *наш/ваш* с коллективным обладанием.

В наиболее ранних из современных работ по теме [1], [20], [6] описание строится на анализе отдельных примеров или ограниченного корпуса. В последнее время некоторые аспекты дистрибуции и семантики притяжательных местоимений исследовались на материале больших корпусов [13], [16]. Мы продолжаем это направление исследований: задачи данной работы состоят в том, чтобы, ограничившись случаями выражения посессора в составе прямого дополнения, во-первых, оценить влияние на употребимость лично-притяжательных местоимений ранее называвшихся факторов (лица и числа глагола, а также дистрибутивной или коллективной интерпретации глагольной группы), а во-вторых, наметить контур анализа, который позволил бы объяснить наблюдаемое распределение. Первой из этих задач посвящён раздел 2, представляющий результаты корпусных исследований; для исследования дистрибутивности—коллективности нами было проведено анкетирование, результаты которого излагаются в разделе 3. Очерку анализа посвящён раздел 4⁴.

2. Корпусное исследование

Для пилотного исследования мы отобрали 25 наиболее частотных переходных⁵ глаголов русского языка по [10]. Для каждого из них в подкорпусе текстов, созданных с 1918 г., основного корпуса НКРЯ запрашивались сочетания вида «личное местоимение (в случае индикатива) + требуемая форма глагола (императив или индикатив) + притяжательное местоимение в аккумулятиве»⁶. Раздельно

² Ввиду этого противопоставления можно ожидать, что поведение посессоров в рамках объектной ИГ может быть различным при ед. ч. и мн. ч. субъекта; это отмечается ещё в [1] со ссылкой на Б. Г. Унбегауна и обсуждается нами ниже.

³ Е. В. Падучева пользуется термином *дистрибутивность*, однако её употребление несколько расходится с принятым в литературе, посвящённым дистрибутивной предикации; см., например, [2].

⁴ Уже на этапе подготовки статьи нам стало известно о существовании работы [4], близкой к нашей по теме и методам, но труднодоступной ввиду того, что она написана на норвежском языке.

⁵ Переходность определялась наличием соответствующей пометы хотя бы у одного вхождения данного глагола в НКРЯ.

⁶ При этом мы старались исключать устойчивые выражения, оставляя, впрочем, *взять своё* и вообще субстантивированные местоимения; конструкции с творительным предикативным, как в *вы считаете свой приезд в Белград нецелесообразным*, рассматривались наряду с прочими.

запрашивались клаузы с ед. ч. и мн. ч. субъекта. Поисковые выдачи просматривались вручную.

Результаты исследования представлены в **таблице 1**.

Таблица 1. Соотношение лично-притяжательных (ЛП) и возвратно-притяжательных (ВП) местоимений в прямообъектных ИГ в подкорпусе современных текстов НКРЯ

мест.	императив			1 лицо			2 лицо			всего в индикативе		
	SG	PL	всего	SG	PL	всего	SG	PL	всего	SG	PL	всего
ЛП	34	128	162	138	154	292	4	35	39	142	189	331
ВП	261	119	380	806	181	987	226	176	402	1032	357	1389
% ЛП	12	52	30	15	46	23	2	17	9	12	40	19

Аналогичное исследование было проведено на материале веб-корпуса Araneum Russicum Maximum. Здесь поисковый запрос был ограничен случаями, где за местоимением следует существительное в винительном падеже; ручная выверка отсутствовала. Результаты представлены в **таблице 2**.

Таблица 2. Соотношение лично-притяжательных и возвратно-притяжательных местоимений в прямообъектных ИГ в корпусе Araneum Russicum Maximum

мест.	императив			1 лицо			2 лицо			всего в индикативе		
	SG	PL	всего	SG	PL	всего	SG	PL	всего	SG	PL	всего
ЛП	98	3482	3580	782	2929	3711	23	1093	1116	805	4022	4827
ВП	8932	18035	26967	20137	8920	29057	2709	13611	16320	22846	22531	45377
% ЛП	1	16	12	4	25	11	1	7	6	3	15	10

Данные обоих корпусов убедительно подтверждают различие между местоименными подлежащими ед. ч. и мн. ч. с точки зрения соотношения частот лично- и возвратно-притяжательных местоимений в составе прямого объекта: как в императиве, так и в обоих лицах в индикативе подлежащее мн. ч. в гораздо большей мере допускает лично-притяжательного посессора ($p \ll 0,001$ для обоих корпусов, здесь и далее критерий χ^2). Как показывает **рисунок 1**, составленный по данным Araneum, в достаточно объёмном корпусе это утверждение верно и для всех рассмотренных глаголов в отдельности.

SG vs. PL

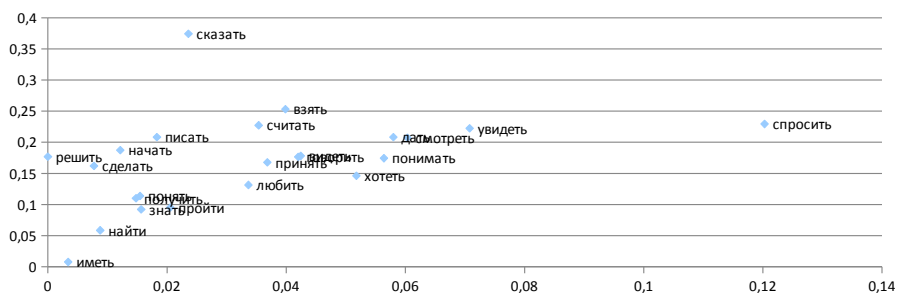

Рисунок 1. Доля лично-притяжательных местоимений для различных глаголов при множественном (по оси абсцисс) и единственном (по оси ординат) числе местоименного подлежащего в корпусе Araneum Russicum Maximum. Включены глаголы из списка, имеющие как минимум 100 вхождений в совокупности поисковых выдач

Оба корпуса позволяют утверждать, что в императиве лично-притяжательные посессоры в объектной ИГ встречаются чаще, чем при подлежащем 2 лица в индикативе ($p < 0,001$ для обоих корпусов), однако относительно сравнения императива с 1 лицом при индикативе данные корпусов расходятся.

Руководствуясь замечанием анонимного рецензента, мы проверили данные для Araneum вручную, проанализировав по 300 произвольно выбранных примеров для каждой из шести комбинаций «наклонение/лицо + число», ограничив поиск 25 глаголами из списка и отсеяв нерелевантные запросу примеры. Результаты приведены в **таблице 3**.

Таблица 3. Соотношение лично-притяжательных и возвратно-притяжательных местоимений в прямообъектных ИГ в случайной выборке из корпуса Araneum Russicum Maximum

	IMPER.SG	IMPER.PL	1SG	1PL	2SG	2PL
ЛП	4	53	18	96	5	32
ВП	290	241	268	190	293	250

И для индикатива 1 и 2 лица, и для императива различие между ед. ч. и мн. ч. подтвердилось при $p < 0,001$. Императив только во мн. ч. имеет значимо большую долю возвратно-притяжательных посессоров, чем 2 лицо индикатива. 1 лицо индикатива в обоих числах имеет значимо большую долю лично-притяжательных посессоров, чем 2 лицо и императив.

Глаголы, для которых выдача не ограничивалась единичными примерами, можно упорядочить по их склонности сочетаться с прямым объектом, в котором посессор выражен лично-притяжательным местоимением. Для корпуса Araneum результат этой операции представлен на **рисунке 2**. Можно отметить

существенные различия между глагольными лексемами в отношении того, сопоставимы ли частоты лично-притяжательных посессоров у разных их форм (ср. *сказать* vs. *принять*): в перспективе анализ должен учесть эти различия, возможно объяснимые такими факторами, как эмпатия говорящего (как предлагалось в некоторых работах)⁷.

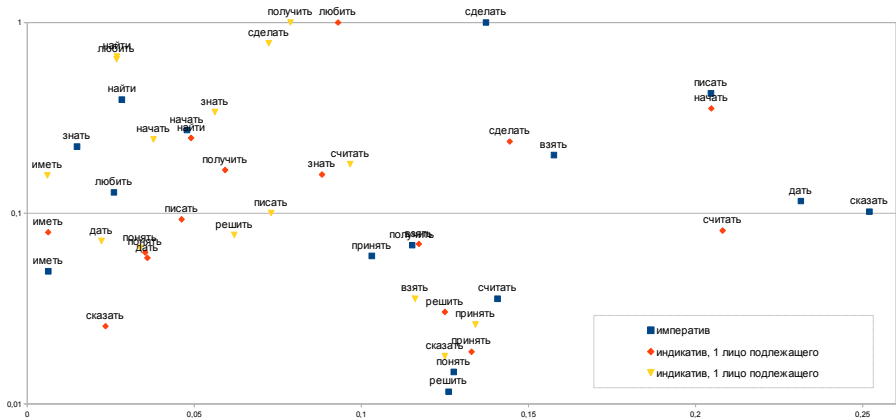

Рисунок 2. Доля лично-притяжательных местоимений (по оси абсцисс) и частотность форм глагола (по оси ординат; в долях от числа вхождений наиболее частотного из рассмотренных глаголов при данном типе подлежащего; логарифмическая шкала) для различных случаев употребления глаголов по данным Araneum Russicum Maximum. Включены глаголы из списка, имеющие как минимум 100 вхождений с каждым из типов подлежащего

3. Экспериментальное исследование

3.1. Методика

Эксперимент проводился в форме анонимного анкетирования через интерфейс Google Forms. Испытуемым предлагались в случайном порядке 20 предложений с одним пропущенным словом каждое (8 филлеров и 12 экспериментальных условий), в каждом из которых было необходимо сделать выбор из трёх вариантов (демонстрировались в случайном порядке): возможность заполнить пропуск морфологически подходящей формой лично-притяжательно местоимения; возможность заполнить пропуск морфологически подходящей формой возвратно-притяжательного местоимения; неприемлемость предложения ни в одном из этих

⁷ Заметим, что императив от *дать* и *сказать*, в отличие от *знать* или *любить*, зачастую используется как побуждение сделать нечто в интересах говорящего.

случаев⁸. Результаты были обработаны, когда число респондентов составило 217 (173 женщины и 44 мужчины; медианный возраст — 20–29 лет).

Экспериментальные условия, распределённые по четырём вариантам анкеты методом латинского квадрата, включали переходный глагол в форме индикатива (с подлежащим 1 или 2 лица) или императива мн. ч. и различались по следующим параметрам:

- возможность коллективной интерпретации глагольной группы, например:
 - (7) а. Мы скрепили *** договор рукопожатием. (обязательна)
 - б. Мы подняли *** багаж на немалую высоту. (возможна)
 - с. Мы закрыли *** голову руками. (невозможна)
- число прямого дополнения;
- является ли число прямого дополнения лексическим признаком его вершины (слова *singulare tantum* или *plurale tantum*) или выбирается свободно⁹.

3.2. Результаты и обсуждение

Для каждой группы предложений нас интересуют значения двух показателей: доля случаев, в которых испытуемый счёл неприемлемыми оба варианта заполнения пропуска (%⊙), и доля выборов лично-притяжательного местоимения от общего числа случаев, где пропуск **был** заполнен (%ЛП).

Полученные результаты представлены в **таблице 4**.

Таблица 4. Итоги анкетирования

Признаки			Реакции респондентов				
коллективная интерпретация	морфологическое число ИГ	природа числа ИГ	ни то, ни другое			%ЛП	%⊙
			ВП	ЛП			
да	PL	—	39	168	12	81,2	5,5
да	SG	—	26	182	11	87,5	5,0
да	PL	tantum	32	167	20	83,9	9,1
да	SG	tantum	48	167	4	77,7	1,8
возможна	PL	—	84	131	4	60,9	1,8
возможна	SG	—	74	132	13	64,1	5,9
возможна	PL	tantum	83	132	4	61,4	1,8
возможна	SG	tantum	79	131	9	62,4	4,1
нет	PL	—	93	115	11	55,3	5,0
нет	SG	—	89	68	62	43,3	28,3
нет	PL	tantum	110	84	22	43,3	10,2
нет	SG	tantum	98	105	19	51,7	8,6

⁸ Таким образом, использованный метод является модификацией распространённой техники «forced choice», куда была добавлена возможность неприемлемости обоих вариантов, роль которой будет охарактеризована ниже.

⁹ В случаях, где коллективная интерпретация невозможна, в качестве «pluralia tantum» рассматривались также слова, обозначающие парные предметы: *глаза, щёки и серёжки*.

Анкетирование подтвердило существующие в литературе предположения о роли дистрибутивности и коллективности: при обязательности коллективной интерпретации %ЛП выше, чем при возможности, а при возможности — выше, чем при невозможности (таблица 5; $p < 0,001$ для каждой пары).

Таблица 5. Связь выбора выражения посессора с возможностью коллективной интерпретации глагольной группы по данным анкетирования

Коллективная интерпретация	Возможность вставки				Невозможность вставки	
	ВП	ЛП	всего	%ЛП	ни то, ни другое	%⊙
да	145	684	829	82,5	47	5,4
возможна	320	526	846	62,2	30	3,4
нет	390	372	762	48,8	114	13,0

Статистически значимы и различия в %⊙ ($p < 0,05$ для пары «да—возможна», $p < 0,001$ для остальных пар), но, как можно видеть, наиболее существенный вклад в эти различия вносят высокие значения %⊙ для предложений с ед. ч. прямого дополнения, где невозможна коллективная интерпретация¹⁰; эти предложения приведены в (8).

- (8) а. А давай покажем ему *** паспорт.
 б. Мы закрыли *** голову руками.
 в. Девочки, наденьте *** любимое платье.
 д. Дети, вы опять запачкали *** рот шоколадом?

4. Анализ

Мы считаем нуждающимися в интерпретации по крайней мере следующие особенности предложений с местоименным посессором в составе прямого дополнения.

1. Существенные различия между ед. ч. и мн. ч. подлежащего (при отсутствии существенных различий, связанных с числом прямого дополнения).
2. Бóльшая предпочтительность лично-притяжательного выражения посессора при коллективных интерпретациях ГГ.
3. Затруднённость как лично-, так и возвратно-притяжательных посессоров в составе прямого дополнения в ед. ч. при дистрибутивных интерпретациях ГГ.

Что касается различий между 1 и 2 лицом, необходимо учитывать, что формы 2 лица мн. ч. не обязательно имеют референцию к множественному адресату, но могут вместо этого выражать вежливость. Эта омонимия затрудняет

¹⁰ По неизвестной нам причине для (8с) %⊙ имеет сравнительно низкое значение — около 8.

оценку корпусных данных, но и в случае анкетирования мы не можем исключить её влияния, хотя и использовали обращение во мн. ч. как средство отсеять нежелательную интерпретацию. В остальном исследование этого вопроса выходит за рамки нашей работы.

Заметим, что интерпретация глагольной группы в *Мы закрыли голову руками* дистрибутивная, поскольку для каждого индивида в составе группы, называемой *мы*, верно, что он закрыл голову руками, а в *Мы закрыли головы руками* коллективная или кумулятивная, поскольку неверно, что каждый индивид закрыл рукой или руками более одной головы (если только один человек не закрывал рукой голову другого), хотя и верно, что все индивиды вместе закрыли все данные в контексте головы. В соответствии с наиболее распространённым ныне взглядом [2], дистрибутивная интерпретация предиката возникает ввиду присутствия в структуре предложения дистрибутивного оператора D , чья семантика приводится в (9):

$$(9) \llbracket D \rrbracket = \lambda P \lambda x (\forall y \in \text{At}(x) (P(y)))$$

Смысл (9) в том, что D — функция, принимающая свойство P и (возможно, неатомарный) индивид x и приписывающая P всем **атомарным** индивидам в составе x .

Что касается связанных употреблений местоимений, в т. ч. в позиции посессора объектной ИГ, А. Кратцер [8] предложила считать, что семантическое связывание таких местоимений осуществляется вершиной v , в чьей сфере действия находится вся глагольная группа и чьи φ -признаки (лицо, число, род) устанавливаются путём согласования с подлежащим. Таким образом, структура предложения с посессором в составе прямого дополнения имеет вид

$$(10) \text{мы } 1 \llbracket t_1 \llbracket v \dots \llbracket D \llbracket \text{закрыл-} \llbracket \text{нашу/свою голову} \llbracket \text{руками} \llbracket \dots \llbracket \rrbracket \rrbracket \rrbracket \rrbracket \rrbracket$$

Ввиду сказанного, возможный облик прямого дополнения зависит от двух факторов: в отношении числа ИГ — от присутствия D , а в отношении φ -признаков местоименного посессора — от φ -признаков подлежащего. При этом выбор между лично-притяжательным и возвратно-притяжательным местоимением является, очевидно, лексическим (осуществляется до входа этой единицы в синтаксическую деривацию), в то время как подходящее слово из числа лично-притяжательных (например *наш* в отличие от *мой* или *ваш* при подлежащем *мы*) выбирается, с точки зрения подхода Кратцер, «после» синтаксиса, на стадии озвучивания (Spell-Out).

Принимая названные допущения, мы приходим к выводу, что в случае ед. ч. подлежащего число ИГ-дополнения зависит исключительно от обозначаемой ситуации, тогда как в случае мн. ч. подлежащего возможны варианты, связанные с D (проблема 1). При коллективной интерпретации ИГ D отсутствует, и денотат ИГ-дополнения рассматривается как единый неатомарный индивид, например мерезологическая сумма всех проектов в *Мы подняли (наши) проекты на немалую высоту* в его коллективном прочтении. Такой индивид не может принадлежать кому-либо из денотата *мы* в отдельности, поскольку разные его части имеют разную принадлежность; но местоимение *наш* подходит, поскольку означает коллективную принадлежность. При связывании вершиной v конфликта

признаков не возникает¹¹. Относительно *свой* Кратцер предполагает, что у него нет φ -признаков, однако у нас есть основания считать, что оно в той или иной мере ориентировано на атомарные индивиды (проблема 2); ср. интроспективные отчёты некоторых респондентов нашей анкеты: «*Ваш*, — или о множественном числе или более официально»; «Например, „студенты, сдавайте вашу работу“ — если это одна работа на группу, „студенты, сдавайте свою работу“ — если у каждого отдельно»; «„Мы закрыли свою/нашу голову руками“ подразумевает, что у „нас“ на всех одна голова...»; «Поняла, что затрудняюсь в использовании слова *свой* во множественном числе». Соответственно, признак множественности посессора у *наш* мы также считаем интерпретируемым.

Наконец, затруднённость любых местоименных посессоров в составе ИГ-дополнения в ед. ч. при коллективной предикации (проблема 3) мы связываем (помимо затруднённости *наш* в силу того, что признак множественности посессора на нём конфликтует с единственным числом посессума, если последний не рассматривается как находящийся в коллективном владении) с особенностями структуры именной группы. Хотя, как показывает Е. А. Лютикова [11], [12], генитивный посессор в русском языке располагается ниже в структуре ИГ, чем детерминатор, и является адьюнктом nP ¹², мы полагаем, что дистрибутивная интерпретация облегчается тогда, когда ИГ употребляется нереференциально и фактически реанализируется как часть предиката. Присутствие посессора¹³ — само по себе (как связанное с наличием более развитой левой периферии ИГ-дополнения) или как причина референциальной интерпретации — затрудняет дистрибутивную интерпретацию. По-видимому, этому есть дополнительные подтверждения: так, именно от полноценных DP ожидается способность присоединять нерестриктивное относительное придаточное. Интроспективная оценка примеров из Google, как представляется, подтверждает это предположение: в примерах группы (11) *головы* (вне зависимости от буквальности интерпретации) понимаются как принадлежащие отдельным индивидам, а *голову* в примерах группы (12) — скорее как метафорическая часть «коллективного тела» (чем обеспечивается коллективная интерпретация).

- (11) а. Наша цель — чтобы люди подняли головы, которые они опустили и боятся поднять.
 б. А дальше дело было так: наши горцы, наши крестьяне вдруг подняли головы, которые им намеревались отсечь.
- (12) а. Гордые тверские князья слишком рано и высоко подняли голову, которую ... срубила ордынская сабля.
 б. Мои сомнения тут же подняли голову, которую решительным голосом и властной рукой тут же вновь пригнул Дэн.

¹¹ Такое описание предполагает, что мы, в отличие от Кратцер, не считаем, что до связывания местоимение не охарактеризовано по числу посессора; см. альтернативный подход в [18].

¹² П. В. Гращенков и А. Э. Гращенкова [5] после обзора существующих точек зрения помещают его в позицию спецификатора nP .

¹³ Ср.: «горем — неопределённая именная группа, а своим горем — определённая» [14: 7].

References

1. *Andreyewsky A.* (1973), К употреблению местоимения “свой” в русском языке [On the use of the pronoun *svoj* in Russian], *Russian Language Journal / Русский язык*, Vol. 27, no. 98, pp. 1–17. [Андреевский А. Б. (1973), К употреблению местоимения «свой» в русском языке, *Russian Language Journal / Русский язык*, т. 27, № 98, с. 1–17.]
2. *Champollion L.* (2017), *Distributivity, collectivity and cumulativity*, *Companion to Semantics*, Wiley.
3. *Chomsky N.* (1981), *Lectures on government and binding: The Pisa lectures*, Foris, Dordrecht.
4. *Fyhn S. K. A.* (2017), *Eiendom på russisk*, UiT Norges arktiske universitet, available at: <https://munin.uit.no/handle/10037/13733>.
5. *Grashenkov P., Grashenkova A.* (2006), *Possessive Reflexives in Russian*, *Proceedings of FASL-15*, Toronto, Ann Arbor.
6. *Honselaar W.* (1986), *Reflections on the Russian reflexive possessive pronoun svoj*, *Dutch Studies in Russian Linguistics (= Studies in Slavic and General Linguistics)*, Vol. 8, pp. 235–248.
7. *Kratzer A.* (1998), *More structural analogies between pronouns and tenses*, *Proceedings of SALT*, Vol. 8, pp. 92–110.
8. *Kratzer A.* (2009), *Making a pronoun: Fake indexicals as windows into the properties of pronouns*, *Linguistic Inquiry*, Vol. 40, no. 2, pp. 187–237.
9. *Lakoff G.* (1970), *Linguistics and Natural Logic*, *Synthese*, Vol. 22, no. 1/2, pp. 151–271.
10. *Lyashevskaya O. N., Sharoff S. A.* (2009). *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [The Frequency Dictionary of Modern Russian Language]. Azbukovnik, Moscow. [Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка. Азбуковник, Москва.]
11. *Lyutikova E. A.* (2014), *Russkiy genitivnyy posessor i formal'nye modeli imennoy gruppy* [Russian genitive possessor and formal models of the noun phrase], *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii “ТМР 2014”*, MSPU, Moscow, pp. 120–145. [Лютикова Е. А. (2014), Русский генитивный посессор и формальные модели именной группы, Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «ТМР — 2014», МПГУ, Москва, с. 120–145.]
12. *Lyutikova E. A.* (2016), *Sintaksis imennoy gruppy v bezartiklevom yazyke* [Noun Phrase Syntax in an Articleless Language], *Lomonosov Moscow State University*, Moscow. [Лютикова Е. А. (2016), Синтаксис именной группы в безартиклевом языке, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва.]
13. *Nedoluzhko A.* (2016), *A new look at possessive reflexivization: A comparative study between Czech and Russian*, *Proceedings of the Workshop on Grammar and Lexicon: interactions and interfaces (GramLex)*, pp. 110–119.
14. *Paducheva E. V.* (1983), *Vozvratnoe mestoimenie s kosvennym antetsedentom i semantika reflektivnosti* [The reflexive pronoun with an indirect antecedent and the semantics of reflexivity], *Semiotika i informatika*, Vol. 21, VINITI, Moscow, pp. 3–33. [Падучева Е. В. (1983), Возвратное местоимение с косвенным

- антецедентом и семантика рефлексивности, Семиотика и информатика, т. 21, ВИНТИ, Москва, с. 3--33.]
15. *Paducheva E. V.* (1985), *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu* [The Utterance and Its Correspondence to Reality], Nauka, Moscow. [Падучева Е. В. (1985), *Высказывание и его соотнесённость с действительностью*, Наука, Москва.]
 16. *Perevozchikova T.* (2018), Pronominal expression of possession in noun phrases in Russian, Czech, and Bulgarian, available at: https://slavicorp.ff.cuni.cz/wp-content/uploads/sites/144/2018/10/Perevozchikova_Slavicorp.pptx.
 17. *Rappaport G. C.* (1986), On anaphor binding in Russian, *Natural Language & Linguistic Theory*, Vol. 4, no. 1, pp. 97–120.
 18. *Stechow A. von* (2003), Feature Deletion under Semantic Binding: Tense, Person, and Mood under Verbal Quantifiers, *Proceedings of NELS 33*, University of Massachusetts, Amherst, pp. 377–403.
 19. *Sudo Y.* (2012), On the semantics of phi features on pronouns, MIT, available at: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/77805>.
 20. *Timberlake A.* (1980), Reference conditions on Russian reflexivization, *Language*, Vol. 56, no. 4, pp. 777–796.
 21. *Truswell R.* (2014), Binding theory, *The Routledge Handbook of Syntax*, Routledge, pp. 232–256.